ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
457
54

Интонация и грамматика.

Под интонацией в настоящей статье будут пониматься и *ритм*, и *мелодия* речи в их неразрывной связи.

Функции интонаций представляются нам троякими:

I. Выражение *эмоциональной* стороны речи. Это ее основная и, надо думать, исконная функция. В то время как в значениях собственно-звуковой стороны речи эмоциональная сторона почти не отражается, значения интонационной стороны на $^{9}/_{10}$ заполнены ею. Стоит только вспомнить обилие восклицательных высказываний в нашей повседневной речи и их интонационное, особенно тембровое (а тембр, конечно, тоже часть интонации) многообразие, чтобы признать, что *чувства* наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией.

II. Выражение *словарной* стороны речи. Оно проявляется, главным образом, в интонации мельчайших ритмических единиц речи — слогов и тактов — и для русского языка имеет сравнительно мало значения. Сюда относятся в нем такие факты, как «за́мок — замо́к», «му́ка — мука́» и т. д. Те случаи, где значение слова видоизменяется интонацией всего словосочетания, еще реже. Вот несколько примеров: «в *одной* рубашке» и «в одной *рубашке*» (в 1-м случае «один» имеет счетное значение в противоположность «двум», «трем» и т. д., во 2-м случае обозначает «только один», ср. лат. unus и solus); «он такой мошеник!» и «он *такой* мошенник: сперва обдует, а потом насмеется» (в 1-м случае «такой» обозначает *степень* мошенничества, а во втором — *способ*, ср. лат. tantus и talis); «он очень *подозрителен*» (в зависимости от контекста, а *отчасти и от интонации* слово «подозрителен» может иметь значение и подозреваемого и подозревающего, ср. лат. suspectus и suspiciosus). Сюда же относится и интонация *иронии*, обра-

щающая значения слов в их противоположность, хотя надо заметить, что иронический смысл сплошь и рядом создается и не интонацией, а реальными условиями речи, т. е. невозможностью при данных условиях понимать слова в прямом смысле (иронические замечания часто делаются намеренно-серьезным тоном, что́ иногда, правда, и вызывает непонимание).

III. Выражение *грамматической* стороны речи. Примеры см. ниже на протяжении всей статьи.

Настоящая статья, как это ясно из заглавия, может иметь в виду только *третью* из этих функций.

Но и в ней не все равноценно для решения специального вопроса о взаимоотношениях интонации и грамматики, и в ней придется выбрать лишь одну сторону явлений.

В интонации вообще можно различать две принципиально разные области: интонацию *мелких* речевых единиц — слога и такта — и интонацию *крупных* единиц — простой фразы и сложной фразы. Хотя вторые состоят из первых, и следовательно интонация их есть как будто бы только сумма интонаций первых, однако простые примеры покажут нам, что необходимо различать интонацию слога и такта, как *таковых*, и фразы, простой и сложной, как *таковых*. Возьмем два отрезка речи: «На горе стоял старый замок» и «На двери висел крепкий замок». Предположим, что они оба сказаны абсолютно одинаковым тоном спокойного повествования. Тогда выяснится, что обе интонации в *чем-то* абсолютно равны, и в то же время нетрудно видеть, что *фактически* они не равны: в первом отрезке самым низким слогом будет *за-*, во 2-м тот же слог будет на целую терцию выше, а самым низким будет слог *-мок*. Если бы мы подобрали для одной из фраз слова́ с другим расположением ударений (напр. «над городом высился старинный замок» и т. д.), то получилось бы полное ритмическое и мелодическое неравенство обеих интонаций (кривые тонов были бы совершенно иные). И, однако, при условии все того же спокойно-повествовательного говорения, все эти интонации оставались бы в *чем-то* абсолютно равными. Это «что-то» и должно называться *фразной* интонацией и противополагаться интонации слога и такта. Слово «замок» в смысле здания будет *всегда*

иметь ударение на 1-м слоге, и в утвердительных, и в вопросительных и в восклицательных предложениях, и под логическим ударением, и при вводном говорении, и т. д., и т. д., и, следовательно, тот такт, в который будет попадать это слово, всегда будет иметь определенный тип тактовой интонации (с известными вариациями, конечно, в зависимости от распределения ударений в соседних словах), и для этой интонации будет абсолютно безразлично, в какой фразной обстановке она стоит: вопросительной ли, утвердительной, или иной. Напротив, спокойно-повествовательная фразная интонация будет всегда равна себе, и для нее может быть абсолютно безразлично, идет ли речь о за́мке или о замке́. Ясно, что это две разных области. Первая носит ярко выраженный фонетико-физиологический характер: интонация слогов и тактов зависит от природы отдельных звуков данного языка, от долготы и краткости гласных, от природы ударения (ср. восходящие и нисходящие слоги в сербском и литовском языках вне всякой связи с фразной интонацией), от места ударного слога в слове и т. д. и т. д. Она *может* иметь и определенные значения и притом не только словарные (за́мок — замо́к), но и грамматические (ру́ки — руки́, ку́пите — купи́те), но это для нее всегда более или менее случайно: по существу она беззначна, и то, напр., что во французском языке слова имеют ударение на последнем слоге, а в польском на предпоследнем, сообщая несомненно определенные интонационные черты каждому французскому и польскому высказыванию и налагая резкий отпечаток на всю интонационную физиономию того и другого языка, никакого отношения к значениям языка не имеет. Напротив, фразная интонация всегда имеет то или иное *значение*. Далее, значение интонации слога и такта, когда она его имеет, всегда только условно-историческое, т. е., напр., между ударением на первом слоге в слове «за́мок» и понятием об известном виде здания так же нет никакой необходимой связи, как между самыми звуками *з, а, м* и т. д. и тем же понятием. Напротив, значение фразной интонации всегда *символическое*, т. е., напр., между повышением голоса в вопросительных предложениях и самой вопросительностью мысли есть необходимая связь (психика незнания, неуверенности рождает возбуждение и соответственно высокие тоны). Соответственно, первая исключи-

тельно национальна, вторая до *некоторой* степени общечеловечна (как междометия); с другой стороны, первая менее способна проявлять черты *индивидуального* говорения, вторая — более (недаром национально-типическое в первой давно изучено, а во второй только теперь начинает изучаться). Наконец, по отношению друг к другу первая представляется явлением простым, элементарным, вторая — явлением сложным, составленным из элементов первой, с известным *вычетом* из них и с некоторым *плюсом*, рождающимся только в процессе объединения этих элементов. Но фактически, то и другое начало в речи всегда неразрывно слито; как мы не можем сказать ни одной фразы не интонируя определенным, соответствующим природе данного языка, образом отдельных слогов и тактов, так же мы не можем сказать и ни одного слога и ни одного *звука* даже, не придавая ему определенной *фразной* интонации. И когда мы произносим, напр., чисто-экспериментально, даже перед аппаратом и с нарочитой артикуляцией, звук *а*, мы *не можем* не придать ему того или другого *фразного* оттенка (произносится, напр., либо утвердительно, либо вопросительно). Реальная интонация всякой фразы есть всегда *химическое соединение* фактов того и другого порядка, и мы можем получить одни, только отвлекаясь от других.

Это длинное вступление необходимо было, чтобы точно очертить предмет данной статьи: в ней будет идти речь только о *фразной* интонации в соотношении ее с грамматикой.

Связь фразной интонации (называемой часто просто «интонацией») с грамматическими и в частности особенно с синтаксическими явлениями стала изучаться сравнительно недавно. В этом отношении мы находим интересное сообщение о последних годах жизни академика А. А. Шахматова в статье С. И. Бернштейна: «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова».[1] «Шахматов утверждал», читаем мы здесь, «что огромное большинство современных синтактистов — между прочим Wundt и, особенно, Фортунатов — исходят из представления не о реальном предложении, а об его письменном изображении. „Борьба против смешения письма с языком, которую с такой настойчивостью вел

[1] «ИОРЯС», т. XXV, II, 1922.

Бодуэн-де-Куртенэ в области фонетики", — говорил А. А. „должна быть распространена и на синтаксис". С горечью он рассказывал, что пытался затронуть эту тему в одной из последних своих бесед с Фортунатовым, но Фортунатов не оценил важности вопроса». Мы видим, таким образом, что один из крупнейших русских и мировых лингвистов не разделял в этом пункте «увлечений» другого, не менее, может быть, крупного лингвиста. В чем тут дело? Только ли в «смешении письма с языком»? В 1914 году, когда я впервые в русской литературе систематически вводил описание интонационных явлений в синтаксический труд, я не задумываясь ответил бы утвердительно на этот вопрос. Теперь я отвечаю иначе. Отношения между фразной интонацией и синтаксисом гораздо сложнее, чем они мне представлялись тогда,[1] и затруднения в приобщении фразной интонации к прочим синтаксическим признакам заключается не только в традиции и в «гипнозе письма», а и в *особом характере самих фразно-интонационных явлений*, резко отличных кое в чем от *всех* остальных синтаксических явлений. Простое безоговорочное включение признаков фразной интонации в общий запас синтаксических признаков (формы словоизменения, служебные слова, слоговые и тактовые интонации с грамматическим значением, твердый порядок слов) так же не осторожно, как и полное изгнание ее из синтаксиса. Необходим средний путь, наметить который и составляет задачу этой статьи.

Взаимоотношения фразной интонации и всех прочих синтаксических признаков, вместе взятых, рисуется мне в настоящее время в следующих основных положениях:

1) Различные фразные интонации могут иметь *совершенно те же значения*, что и все прочие синтаксические признаки.

2) Интонационные признаки *никогда* не бывают связаны неразрывной связью с однозначными им прочими синтаксическими признаками, и, напротив, очень часто *расходятся* с ними в отношении проявления тех и других на одних и тех же языковых фактах.

---

[1] Ср. отчасти справедливую критику у Всеволодского-Гернгросса «Теория интонации», П., 1922, стр. 65.

3) Но это *расхождение,* в свою очередь, *никогда* не может вырастать до *полного разрыва,* так как всегда оказывается целая сеть чрезвычайно сложных и запутанных взаимоотношений между теми и другими.

4) Одной из самых характерных черт этих взаимоотношений является принцип *замены,* который можно формулировать так: чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто-грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения) и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения).

5) В ряде случаев (численно довольно ограниченном) интонационные признаки связываются с неинтонационными по иному, принципиально отличному от предыдущего, принципу: они *срастаются тесно* с *разнозначными* им интонационными признаками, так что получается особая грамматическая категория с особым *комбинативным* значением, более или менее обнаруживающим в своем составе породившую его двойственность средств выражения.

Рассмотрим теперь применение этих принципов на отдельных фактах.

1) В языке существуют специальные служебные слова для обозначения *вопросительного* оттенка мысли: «ли», «разве», «ужели», «неужели». Кроме того, существуют специальные местоименные корни, обозначающие вопросительность (в словах «кто», «как», «какой», «куда», «где» и т. д.). Наконец, существует специальный порядок слов (инверсия) для обозначения вопроса («Знаешь ты?» «Приехал Иванов?» и т. д.). Все это факты *грамматические* (в широком смысле слова, считая, что и корни, поскольку они местоименны, служат грамматическим целям). На ряду с этим существует специальная вопросительная интонация (вернее множество разновидностей ее), имеющая совершенно *то же* значение. Спрашивается, как относится в данном случае интонационный признак к грамматическим? На первый взгляд никак; он как будто бы совершенно отделен от грамматических. В самом деле: а) предложение может не иметь никаких грамматических вопросительных признаков и произноситься с вопросительной интонацией («Стол

стоит?» «Иванов приехал?»), б) предложение может иметь ясные вопросительные грамматические признаки и произноситься с утвердительной или восклицательной интонацией («Который час», сказанное *небрежным* и *быстрым* тоном с ударением обрывистого типа на первом слове и с общей интонационной окраской *возбуждения*). Поищем, однако, нет ли каких-либо примирительных пунктов в этих противоречиях. а) Утвердительные предложения могут произноситься и вопросительно, но степень вопросительного повышения голоса в них должна быть тогда *гораздо больше*, чем в тех случаях, когда интонации помогает грамматика. Сравним по интонации 3 фразы: 1) Читал ли ты это? 2) Читал ты это? 3) Это ты читал? При прочих равных условиях, т. е., главным образом, при одинаковом стремлении нашем ясно выразить вопрос во всех 3-х случаях, мы невольно повышаем голос в 3-м случае больше, чем в первых 2-х и, в свою очередь, во 2-м случае больше, чем в 1-м. Здесь именно и обнаруживается тот принцип замены, о котором было сказано выше: чем яснее грамматические признаки, тем слабее могут быть интонационные. Сравним еще: «А знает ли он об этом?» и «А он знает об этом?», «Идет ли дождь?» и «Дождь идет?» и т. д. б) Предложение «Который час?», будучи сведено к скороговорочному «котóрчас», может лишиться вопросительной интонации, и это, конечно, надо объяснять ясностью и полновесностью вопросительного смысла слова «который» все по тому же принципу замены интонации и грамматики друг другом. Но все-таки надо заметить, что в огромном большинстве случаев кое-какие *микроскопические* признаки вопросительной интонации остаются и здесь: несколько большее против обычного повышение 1-го предударного слога (нужно заметить, что вообще 1-й предударный слог, когда следующий за ним ударный несет на себе логическое ударение повествовательно-нисходящего типа всегда *выше* этого ударного), несколько меньшее понижение конца фразы и т. д. Читатель может это проверить, стараясь произносить одинаковым тоном «котóрчас» и «Иван пришел». Полное тождество фразной интонации ему не всегда будет удаваться.

2) В языке существуют специальные формы побудительности (так называемое «повелительное» наклонение) и специальные интонации побуждения (приказание, просьба, совет и т. д.). Здесь находим те же

противоречия: а) побудительная интонация может быть и в отсутствии повелительного наклонения («Карету мне, карету!», «Пошел вон!», «Направо!», «Вперед!» и т. д.), б) повелительное наклонение может произноситься «неповелительным» голосом (какое-нибудь беглое ежедневное приказание, которого уже ждут в определенный час и которое произносится скорее как сигнал или напоминание, чем как приказание: «Накрывайте на стол», «Не забудьте запереть дверь». И тут же пункты «примирения». При отсутствии повелительного наклонения побудительная интонация наслаивается или на междометия («пошел!») в общем порядке эмоциональности, или, в огромном большинстве случаев, на *приглагольное* слово, которое сознается, как приглагольное именно потому, что при нем ощущается выпуск *повелительного наклонения* (при винительном падеже еще и сама форма указывает на приглагольность, так как этот падеж с другими частями речи не соединим).[1] Особенно показательны в этом случае те факты, где сама по себе данная форма могла бы быть и приименной, напр.: «Хлеба!», «Хлеба и зрелищ!». При повелительной или просительной интонации эти родительные совершенно невозможно понять, как приименные (т. е., напр., как обломок сочетаний «вкус хлеба», «желание хлеба и зрелищ»), а только как приглагольные (*дайте* хлеба, *хочу* хлеба и т. д.). При этом закон замены остается в полной силе. В то время, как повелительность интонации в сочетании «Подайте мне карету!» может при случае сойти на нет, в сочетании «Карету мне, карету!» она *должна* проявиться особенно интенсивно, так как она почти лишена здесь грамматической поддержки. С другой стороны, небрежное произношение приказания связано с теми же условиями, что и небрежное произношение вопроса, и здесь почти всегда можно при внимательном изучении отыскать «следы» повелительной интонации.

3) Во многих языках есть особая звательная форма имен существительных, по окончанию и основе соотносительная с формами падежей тех же имен и потому названная в традиционной грамматике звательным падежом. В русском современном языке этой формы нет, но и в нем формальное выражение звательности существует постольку,

---

[1] О сочетании повелительной интонации с инфинитивом см. в конце статьи.

поскольку из всех форм изменения существительного, только одна, именно форма именительного падежа, может употребляться в звательном смысле. На ряду с этим в нем, как и во всех языках, существует звательная интонация. Здесь разногласие в употреблении меньше, чем в предыдущих случаях. Именно, здесь другие формы существительного и вообще какие-либо другие формы и слова́ не могут употребляться со звательной интонацией (мне, по крайней мере, не известны такие случаи). Но обратные случаи все-таки есть, и даже довольно часты: так называемое «обращение» произносится либо без всякой специфической интонации, т. е. просто как именительный падеж подлежащего, либо с интонацией вводного слова, а не обращения. Первое я наблюдал часто в домашнем, специально кухонном быту, в фразах вроде: «Кипит, Анюта!», «Готово, Маша!» и даже с обратным порядком: «Анюта, кипит!», говоримое часто с эмфазой, с сильным ударением на 2-м слове (испуг и поспешность). Я ставлю здесь запятую только в угоду правописанию, в голосе ее почти никогда не бывает, и такие возгласы вызывают часто шутливую отповедь: «Анюта-то еще не кипит», «Маша не готова» и т. д. Второе, т. е. вводная интонация, — самый обычный случай, правильно являющийся там, где обращение стоит в середине речи: «Видишь, Ваня, как это нехорошо!». В правописании, в сущности, только те случаи, где мы ставим восклицательный знак немедленно после обращения, обозначают настоящую звательную интонацию, запятые же обозначают или эту вводную интонацию, или отсутствие какой бы то ни было характерной интонации. Именно этой способностью звательной формы терять в известном положении во фразе при известных реальных условиях речи звательную интонацию надо объяснять и самую возможность замены в языках звательного именительным, или, как в наших древних новгородских памятниках, наоборот, именительного звательным.[1] Спрашивается, как же отличается в таких случаях слушателем звательный смысл от смысла подлежащего? Прежде всего не надо забывать, что далеко не всегда то, что имеет для себя в языке грамматические средства выражения, выражается именно этими средствами. Очень часто

[1] См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, стр. 175.

те же значения создаются лексикой (словарем) или даже реальными (внеязыковыми) условиями речи. Подобно тому как ирония в некоторых случаях улавливается *только* из-за реальной невозможности понимать речь человека буквально, так и слово «Анюта» в вышеприведенном восклицании не может быть принято за подлежащее только из-за невозможности для Анюты кипеть. Здесь, следовательно, лексика (значение слова «кипит») и отчасти реальные условия речи (при других условиях это слово могло бы иметь переносный смысл: «кипит злобой, ревностью и т. д.», и тогда «Анюта» могло бы быть понято, как подлежащее) создают звательное значение. В других случаях приходит на помощь грамматика, именно формы согласования глагола. Так, в примере «Видишь, Ваня, как это нехорошо!» «Ваня» не может быть понято как подлежащее из-за того, что глагол стоит во 2-м лице, при котором подлежащего, кроме слова «ты», вообще не может быть (иначе было бы «видит Ваня»). Нетрудно видеть, что и тут интонация является чем-то *параллельным* грамматике, а не составной ее частью, *одним* из средств языка на ряду с грамматикой, лексикой и обстановкой речи, а не чисто-грамматическим признаком. Однако и здесь факты *сцепления* определенных интонационных признаков с грамматическими (как они всё время проходят и между лексикой и грамматикой) налицо: звательная интонация может прикрепляться все-таки только к форме звательного или именительного падежа. С другой стороны, факт сотрудничества всех 4-х средств (грамматика, интонация, лексика, обстановка) с заменой при случае одного другим здесь также выявляется в полной мере.

4) Употребление в одном предложении двух одинаковых падежей существительного, обозначающих реально один и тот же предмет, ведет, как известно, при отсутствии именной предикации, или к полному ритмическому господству одного существительного над другим и слияния обоих в одно ритмическое целое («Князь Курбский», «злодей-тоска», «Фавор-гора», «тетя Наташа», «клен со своими *лапами-листами*» и т. д.), или к выделению одного из них в так называемые обособленные члены или группы («прядет, и, *зимних друг ночей*, горит *лучина* перед ней»). Это то, что издавна называется *приложением*. Не только традиционные грамматики, но и некоторые научные изыскания (в том

числе вслед за Потебней и мой «Синтаксис» в 1-м и 2-м издании) говорили здесь о согласовании в падеже одного существительного с другим, что́ едва-ли верно. Ведь форма согласования в падеже существительному совершенно не свойственна, и одним из основных отличий существительного от прилагательного как раз и является то, что у прилагательного форма падежа есть форма согласования, а у существительного — управления. Самое же сосуществование в предложении 2-х одинаковых падежей так же мало дает нам право говорить о согласовании одного с другим, как, положим, сосуществование двух родительных в сочетании «боюсь гнева отца». Едва ли не заключена тут вся суть явления в *ритмическом объединении*, которое я недавно решился назвать «ритмическим согласованием».[1] Для необособленного приложения это объединение выразится в вышеупомянутом ритмическом слиянии, а для обособленного — в интонационном соответствии обоих существительных (таком же, впрочем, какое имеется и во всех других случаях обособления). Таким образом, здесь перед нами опять то же сплетение грамматики (все-таки два одинаковых падежа), лексики (все-таки слова, могущие обозначать один и тот же реальный предмет; такие пары, как «перо — чернила», «отец — мать», если и объединяются иногда, то все-же образуют другой тип связи), обстановки («я провожал любимца брата» может иметь два смысла, иногда определяемые *только* обстановкой) и интонации. Но вот перед нами такой случай: «А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи: *решительно не пойдет, мужик, в театр;* разве уже дашь ему билет даром» (Гоголь «Записки сумасшедшего»). Сравним интонацию выделенной фразы с интонацией ее же в такой предполагаемой связи: «Пойдет ли мужик в театр при современной постановке народно-театрального дела? Нет, я утверждаю, что *решительно не пойдет мужик в театр*». Разницы в интонации в отношении слова «мужик» *нет* и, таким образом, интонационно различие подлежащего и приложения *не выражено*. Это опять случай *полного* отсутствия одного из средств при достаточности других, и совершенно не прав был бы чтец, который захотел бы здесь вымучить из себя чтение при-

[1] Методическое приложение к книге «Наш язык», ч. 1 и 2, М., 1923.

ложения: это было бы совершенно неестественно. Кстати сказать, этот случай интересен тем, что и грамматических средств для отличения приложения от подлежащего здесь нет никаких. Здесь даже и двух существительных-то нет, а только одно, и оно, стоя в именительном падеже непосредственно при сказуемом и не будучи от него ритмически ничем отделено (запятые здесь «немые») все же *не подлежащее*. И обозначено это лексическим составом *предыдущего* предложения («из нашей братьи *чиновников*») настолько ясно, что думается ни один из самых ярых современных «ультра-формалистов» не решится утверждать, что «мужик» здесь подлежащее. Это прекрасный случай обнаружения *внутреннего* смысла согласования сказуемого с подлежащим («пойдет» здесь согласуется не с «мужик», а с переносимым из предыдущей речи «чиновник», почему «мужик» и не подлежащее). В то же время это прекрасный пример того, как выражение определенных грамматических категорий, по самому существу своему связанных с интонационными средствами, может отходить целиком от интонации и передаваться другими средствами.

5) Сочетание предложений происходит, как известно, при помощи специальных служебных слов — союзов (специальные формы сказуемости и специальный порядок слов в соединяемых предложениях оставляю в стороне). С другой стороны, сочетание фраз происходит при помощи особых соединительных интонаций, самой характерной из которых является соединительное повышение:

«когда я пришел домой, у нас были гости».

Тут являются следующие разногласия между грамматикой и ритмомелодикой. а) Сочетание предложений может произноситься как *одна* простая фраза: «Я *знаю*, что я делаю!», «Я *говорил* уже с тем, кого ты привел», «Говорит, что *придет*» (во всех 3-х случаях предполагаю сильное ударение на выделенном слове и быстрое, низкорегистровое произношение остальной части фразы, в 3-м случае оно может быть даже бормотным, «грит» вместо «говорит» и т. д.). Сравните с этим: «Я *знаю* свое дело!», «Я *говорил* уже с приведенным тобой лицом», «обещает *прийти*». Разницы нет. При «что» и «кото-

рый» это довольно обычно (сравните отсутствие запятой при этих словах у французов). б) Обратно, одно грамматическое предложение может произноситься, как две или несколько объединенных фраз, т. е. как сложная фраза: «Вот тебе деньги. С этими деньгами | ты пойдешь в булочную, и купишь там...», «Дело вот в чем: мой двоюродный брат | уехал вчера в деревню...», «С утра | уж на ногах. И я — у ваших ног» (Гриб.) и т. д. В книжной речи (т. е. при чтении) такое членение принято главным образом для длинных предложений («Медленно опускавшееся в воды океана солнце | обливало все своими прощальными лучами»), но в живой речи оно очень обычно и в коротких предложениях. в) Несколько предложений могут быть соединены интонацией, но не соединены союзами: «Назвался груздем — полезай в кузов», «Не нравится — не езди» и т. д. Рассмотрим те соотношения между интонацией и грамматикой, которые здесь можно открыть несмотря на кажущийся разрыв. Случай *а*. Прежде всего отметим, что соединение предложений в одно интонационное целое имеет предел, и предел довольно близкий: при *трех* предложениях нам это сделать довольно трудно (сравните в том же тоне: «Я *знаю*, что я делаю, когда его наказываю!» в 3-м предложении уже является заметное фразное ударение на слове «наказываю»), а при 4-х и прямо невозможно. Далее, факт интонационного единства грамматических величин, *объединенных* и грамматически (союзом), есть сам по себе факт лишь одной стороной своей противоречащий грамматике, а другой напротив подкрепляющий ее. Можно сказать, что интонация идет здесь дальше, чем грамматика, но идет в ту же сторону, в сторону объединения. Случай *б*. Здесь разрыв на первый взгляд самый решительный. Однако, приглядываясь к пунктам интонационного членения, замечаем, что оно может происходить не в любом месте, а только там, где это разрешают *синтаксические* связи. Обычно подлежащее со всеми принадлежащими к нему членами отходит к одной фразе, а сказуемое со всеми его членами — к другой. Реже это делается с дополнением. Но во всяком случае, ясно, что в вышеприведенных примерах нельзя расчленить, например, так: «С этими | деньгами ты пойдешь в булочную», «Мой двоюродный | брат уехал в деревню» и т. д. Таким образом, членение здесь всегда *строго-*

грамматическое, в результате его получаются единицы не только интонационные, но и *грамматические,* и расхождение с грамматикой здесь, в сущности, не в самом факте членения, а в том, что у грамматики *двоякие* способы членения: внутри *предложения* и внутри *сочетания предложений* (в первом случае определенные комбинации форм согласования и управления, а во втором — союзы), а у интонации *одни и те же* и там, и тут. Случай *в*. Случай этот является, в сущности, частичным видоизменением предыдущего (вместо частей предложения — целые предложения) и интересен только тем, что здесь опять резко дает себя знать закон замены: сочетание «назвался груздем — полезай в кузов» несомненно должно при прочих равных условиях произноситься более выразительно, чем «*если* назвался груздем, полезай в кузов».

6) После этого анализа уже не трудно будет установить соотношение интонационных и грамматических средств в таких наиболее спорных и запутанных случаях, как «Всего хорошего!», «Спокойной ночи!», «С большим удовольствием!», «Вашу руку!», «До завтра!» и т. д.[1] Традиционная грамматика признает здесь *предложения,* но не объясняет, какие языковые признаки вынуждают у нее это признание. Лингвисты, не склонные «увлекаться» интонацией, не видят здесь предложений или видят здесь так называемые «неграмматические» предложения (что́, в сущности, крайне непоследовательно, если под «предложением» понимать грамматическую единицу), и тоже не объясняют, что́ именно побуждает их ставить все-таки эти отрезки в какую-то аналогию с предложениями. Наконец, лингвисты, вводящие в настоящее время интонационные признаки в круг ведения грамматики, готовы по этим признакам признать в этих отрезках самые обыкновенные предложения. Если отказаться от терминологических исканий, создающих под давлением школы много путаницы в грамматике, а думать только о существе дела, то здесь можно установить следующее: с *интонацион-*

---

[1] Чтобы не осложнять дела, я намеренно не касаюсь здесь назывных именительных (типа «Пожар!», «Вечер!» и т. д.) и предикативных именительных в отсутствии связки («собака — животное» и т. д.).

ной стороны это — самые обычные *фразы*, или *сказы*, т. е. сочетания тактов, объединенных вокруг одного сильнейшего такта (или, в отдельных случаях — одиночные сильнейшие такты), аналогичные в этом отношении с такими же сочетаниями, образующими предложения; с *грамматической* стороны они тоже аналогичны предложениям, но аналогия здесь во много раз слабее. Она состоит в том, что здесь на лицо формы, *обычно* приводимые в связь *с формами сказуемости*, и сознаваемые и здесь, как приглагольные, а не приименные («Всего хорошего!», напр., сознается не как «пожелание всего хорошего», а как «*желаю* всего хорошего»). *Поскольку* здесь есть связь с формами сказуемости, *постольку* это *предложения*, и постольку же мы вообще всегда говорим *предложениями*. Кроме того, здесь важно еще и то, что отрезки эти не входят в состав *никаких других предложений* и потому соотносительны с целыми предложениями (сравните аналогичное явление со служебными словами, которые потому «слова», что не входят в состав других слов). Как называть такие отрезки? Это дело условия. Я предлагаю называть их «неполными предложениями», но не в психологическом смысле, не в смысле неполноты выражения мысли, а в смысле *чисто-грамматическом* (недостача необходимых для предложения форм). Неудобство этого термина только в том, что здесь «неполным предложением» назовется иной раз жалкий остаток того, что является предложением, как если бы мы ручку от кувшина назвали неполным кувшином, или козырек от фуражки — неполной фуражкой. Но с этим, я думаю, можно примириться. С другой стороны, мы должны подчеркнуть, что возможна и другая неполнота предложения — *интонационная*, напр.: «*Отведи г. офицера*... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» (Пушк.) Выделенное предложение здесь в грамматическом отношении полное, а в интонационном неполное. Это *неполная фраза*, но *полное предложение*. Напротив, «До завтра» — *полная фраза*, но *неполное предложение*. В возможности такого рода несоответствий и заключается здесь расхождение интонационного и грамматического начала. Но нетрудно видеть, что и это расхождение сдерживается определенными границами: «неполные предложения» все-таки *до некоторой степени* — предложения, а «неполные фразы» все-таки *до*

некоторой степени (хотя бы по паузе после них) — фразы. Этим осуществляется связь между фразой и предложением.

На ряду со всеми описанными случаями (к которым можно было бы еще присоединить слитные предложения, подчинение и сочинение предложений, различные случаи опущения, вводные слова и предложения и многие другие рубрики) в языке существует, как уже упомянуто, и другой вид соотношения интонационных и неинтонационных синтаксических средств. Возьмем, положим, повелительные предложения типа: «Молчать!», «Не возражать!» и т. д. Прежде всего, собственно-грамматическая и интонационная стороны здесь, в отличие от всех предыдущих случаев, *разнозначны*. Значение формы инфинитива, даже в ее предикативном употреблении, само по себе одинаково для всех видов этого рода предложений (предложения необходимости, как «быть бычку на веревочке», желания, как «еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку!», укора, как «А! каблуками бить да еще браниться!» и т. д.) и не заключает в себе ни на йоту оттенка побуждения. Значение интонации — резко побудительное, при чем та же интонация может случайно наслаиваться и на другие формы, глагольные («Молчи!», «Не смей возражать!») и неглагольные («Долой!», «Вон!»). Но с формой *инфинитива* эта интонация вступает в *прочную* связь в нашем языке, характерную именно для *данного* языка (во французском, напр., этот оборот отсутствует), и образует совместно с ней особую категорию *строгого приказания*. *Замена* одного средства другим здесь уже по самому существу дела невозможна, так как инфинитив, сказанный без побудительной интонации, не будет вызывать представления о приказании, а резко-приказывающая интонация, наслоенная не на инфинитив, не даст того *типического* выражения «строгого приказания», какое мы имеем в данном случае. Здесь, стало-быть, перед нами нечто вроде химического «избирательного сродства»: индивидуальное сцепление грамматических и интонационных форм для выражения одного совокупного эффекта (из всех глагольных форм только одно прошедшее время в выражениях «Пошел!», «Пошла!», «Пошли!» вступает в ту же связь с тем же конечным эффектом, но так как это осуществляется только для *этого одного* глагола, то особой категории не получается). Еще

более характерно в этом отношении наше «пригласительное» 1-е лицо множественного числа глагола: «Пойдем!», «Станем учиться!», «Поговорим!», «Напишем!», «Будем друзьями!» и т. д. Излишне доказывать, что это особая категория в нашем языке, составляющая разновидность категории повелительного наклонения (собственно, даже просто 1-е лицо множественного числа повелительного наклонения, но с теми именно особенностями значения, которые обуславливаются значением 1-го лица множественного числа) и параллельная таким оборотам, как «eamus», «allons», «gehen wir!», «wollen wir gehen!», «lasst uns gehen!» и т. д. Чем же выражается эта категория у нас? 1) Формой *совершенного* вида глагола, так как из глаголов несовершенного вида *только один глагол «буду»* способен участвовать в этом обороте, что́ является наследием былого значения этого глагола и, как архаизм, нехарактерно для всей категории: такие формы, как «говорим», «пишем», *не могут* сочетаться с пригласительной интонацией и, будучи сказаны решительным тоном, имеют значение наверняка ожидаемого будущего (как в сочетаниях: «завтра я уезжаю», «скоро я поступаю на службу» и т. д., в двух выражениях, впрочем: «Идем!» и «Едем!» к этому значению присоединяется и приглашение, и обе категории сливаются настолько, что вряд ли могут быть разграничены); 2) *обязательным отсутствием* местоимения «мы»: сочетания «мы пойдем», «мы напишем» ни в каком случае не могут быть произнесены с пригласительной интонацией; это — отрицательный, но тем не менее чрезвычайно важный собственно-формальный признак; 3) *пригласительной интонацией,* без которой опять-таки формы «пойдем», «напишем» никак не могут выразить данного значения, а являются только обычными формами *изъявительного* наклонения. Нетрудно видеть, что и здесь мы имеем факт химического сцепления определенных интонационных признаков с определенными внеинтонационными для создания одного *нового, цельного* значения. Сюда же можно отнести и категории *косвенного вопроса* (соединение *вопросительных* грамматических средств с *подчинительной* интонацией), категорию *условного* повелительного наклонения (*«знай я это,* я бы не решился» и т. д., соединение *несогласуемого* повелительного наклонения с подчинительной интонацией), категорию

внезапного действия («а он вдруг приди и скажи мне...», соединение того же несогласуемого повелительного наклонения с интонацией неожиданности) и нек. др. То двуединство значения, о котором выше уже было упомянуто, сказывается в одних из этих рубрик больше, в других меньше. Сравним, напр., с одной стороны, косвенный вопрос, где оба элемента значения (вопросительность и косвенность) «прощупываются» с максимальной ясностью, а с другой стороны инфинитив строгого приказания, где они теснейшим образом объединяются. Но во всяком случае и там и тут остается та особенность, что именно соединение двух разнородных и разнозначных средств, интонационного и чисто-грамматического, создает данную категорию.

Подводя итог, мы видим, что только в *части* случаев, и притом в меньшей части, интонационные средства вступают в такую же связь с звуковыми средствами языка, в какой стоят отдельные звуковые средства между собой (сравните, напр., дифференциацию значения предикативного инфинитива посредством различных интонаций с дифференциацией значения предлогов посредством падежных флексий: «на воду» и «на воде», «за доску» и «за доской» и т. д.). В огромном же большинстве случаев интонационные средства отличаются *подвижным, свободным* характером. Они наслаиваются сложными прихотливыми узорами на звуковые средства, не срастаясь с ними в определенные типы связи, а напротив расходясь с ними на каждом шагу; они, так сказать, *блуждают* по грамматической поверхности языка, и это, несомненно, и удерживает многих лингвистов от включения их в число грамматических признаков. Собственно говоря, даже и в случаях тесного сцепления определенных интонаций с определенными формами (наш последний пункт), особый характер этого средства дает себя знать в том, что те же интонации, как и *всякие другие,* все-таки могут наслаиваться помимо излюбленных ими форм на *любой* формальный субстрат (сравните интонацию резкого приказания на неинфинитивных формах). В этом сказывается опять-таки особая, исконно отличная от природы форм, природа интонации. Грамматические функции ее все же эпизодичны для нее, случайны, не связаны с ее *основной* природой (сравните начало статьи). Поэтому и изучаться они должны в грамматике, как

нечто, по существу инородное по отношению к формам, как особая область явлений, со своими законами, со своей природой. «Интонационная грамматика» — это почти особая наука, во всяком случае особый *отдел* грамматики.

А. Пешковский.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР